

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОКЛАССИЧЕСКАЯ ЙОГА

Йога присутствует везде — в устной традиции Индии не в меньшей степени, чем в текстах на санскрите и местных наречиях. Это настолько верно, что йога перестала быть свойственным лишь индийской духовности элементом.

Мирче Элиаде, Йога: Свобода и бессмертие

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ЙОГА В ДРЕВНОСТИ

Эту непреходящую йогу
Я в начале сказал Вивасвату,
Вивасват сообщил ее Ману,
Мудрый Ману поведал Икшваку,
Друг от друга перенимая,
Ее знали цари-провидцы.

Бхагавадгита (4.1—2)

I. ИСТОРИЯ ДЛЯ САМОПОНИМАНИЯ

Йогу называют живым реликтом. Она относится к самым ранним свидетельствам индийского культурного наследия. Благодаря миссионерским усилиям индуистских свами она вступила в новую стадию расцвета в нашем столетии, как в Индии, так и в других частях света. Сегодня сотни тысяч жителей Запада активно занимаются той или иной формой йоги, хотя и не всегда имея четкое представление об ее традиционных целях и задачах. В большой степени это вызвано их плохой осведомленностью о богатой письменной истории йоги. Поэтому вторая часть данного тома служит изложению основных вех на протяженном и сложном пути развития йоги.

История предоставляет крайне важный материал для понимания

мира, особенно человеческой культуры. Более того, история повествует нам о нас самих, поскольку наши убеждения и склонности в значительной степени формируются культурой, к которой мы принадлежим. Мы те, кто мы есть не только вследствие нашей собственной личной истории, но также вследствие общей истории человеческой цивилизации. Как замечает немецкий философ и психиатр Карл Ясперс:

«Никакая действительность не оказывается столь существенной для выработки нашего самосознания, как история. Она открывает нам самый широкий горизонт человечества, донося до нас содержание традиции, на которой и возводится наша жизнь, показывает нам те мерилы, по которым мы равняем

наше настоящее, освобождает нас от бессознательной каббалы нашего собственного века, учит нас видеть человека в его высочайших проявлениях и непреходящих творениях... Мы способны лучше осмыслить наш нынешний опыт, если взглянем на него сквозь призму истории» [1].

Без должного понимания исторического развития йоги трудно представить, чтобы мы могли по настоящему оценить ее духовное наследие или сумели упражняться в ней осмысленно и с максимальной отдачей. Изучение истории йоги дает нам более обширную картину по сравнению с тем, что мы можем вынести из большинства популярных книг на данную тему.

Изучение исторической эволюции йоги это нечто большее, чем научное изыскание; в действительности оно содействует нашему самопониманию, а значит, нашим усилиям освободиться от сковывающих ограничений эго(ис)тичной личности. Последующие главы поведают кое-что о славной традиции йоги, которая внесла огромный вклад в копилку постижения внутренней природы человека. Разумеется, невозможно даже на нескольких сотнях страниц запечатлеть все то, что открылось филологической науке. Действительно, никто еще не пытался до сих пор объединить все имеющиеся данные, что потребовало бы владения несколькими языками (включая санскрит и тамильский) и воистину энциклопедических знаний. Поэтому предпринимаемая мной попытка имеет перед собой более скромную цель: возведения подготови-

тельных лесов для нашего понимания йоги.

В предыдущей главе мы видели, как историю индуизма можно условно разбить на девять периодов, идущих от доведийской эпохи до новейшего времени — протяженностью свыше восьми тысяч лет. При чтении очередных глав следует не упускать из вида данную схему. Поскольку йогические идеи и практики присущи не только индуизму, но присутствуют, например, в буддизме и джайнизме, можно было бы написать совершенно различные истории. Однако ввиду главенствующей роли индуизма в историческом развитии индийской цивилизации это лишь усложнило бы дело. Поэтому в дальнейшем развитие йоги представлено с позиций индуизма, хотя я и включил короткие главы о буддизме и джайнизме. Эти две традиции рассматриваются в их относительной хронологической последовательности: джайнизм появляется после древнейших *Упанишад* и за ним следует буддизм.

Прежде чем приступить к панорамному обзору истории йоги, мне хотелось бы вкратце представить имеющий практическую ценность взгляд на эволюцию: модель структур сознания Жебсера.

ИСТОРИЯ И СОЗНАНИЕ

В своем полностью сформированном виде психодуховная техника йоги принадлежит той эпохе, которую Карл Ясперс назвал «осевым временем», переломному периоду примерно середины первого

тысячелетия до н. э. — эпохе Лао-цзы и Конфуция в Китае, Махавиры и Гаутамы Будды в Индии, и Пифагора, Сократа, Платона и Аристотеля в Греции [2]. Эти гении и целый сонм иных первопроходцев того времени возвестили новую парадигму, или образ мышления.

Что значит эта новая ориентация во всеобщей истории человеческой цивилизации, блистательно показал швейцарский философ Жан Жибсер (Jean Gebser) [3]. По его мнению, человечество прошло в своем развитии через четыре структуры сознания, иначе формы познания, которые он охарактеризовал следующим образом:

1. *Архаичное сознание*: это наиболее простая и ранняя форма познания, которую отличает самый низкий уровень самосознания и которая все еще является почти целиком инстинктивной. Исторически она относит нас ко времени *Австралопитека* и *Homo habilis* (человека умелого). Сегодня данное сознание проявляется в нас, например, как реакция на самопреодоление. При этом оно активизируется в некоторых видах экстатического переживания (*самадхи*) или даже в определенных, вызываемых лекарственными препаратами, состояниях сознания, когда гранитя между субъектом и объектом временно стирается.
2. *Магическое сознание*: появившееся из архаичного сознания магическое сознание все еще является доэготическим, с размытым осознанием. Оно действует на

© RUDOLF HAMMERLI

Жан Жибсер

основе отождествления, как это выражается в мышлении по аналогии, которое предстает ответом на уровне живота (первичным), когда связываются кажущиеся разрозненными элементы в одно целое. Данный тип сознания, возможно, был свойствен *Homo erectus* (человеку прямоходящему) более полутора миллионов лет назад. Он все еще действителен у нас и сегодня, когда мы очарованы кем-то или чем-то или испытываем расположение. Он сказывается отрицательным образом в таких различных ситуациях, как слепое обожание или временная утрата способности рассуждать (а порой и человеческого облика) под гипнотическим влиянием огромной толпы. Присутствие магического сознания также ощутимо в тех сторонах

йоги, что задействуют исключительную внутреннюю концентрацию, ведущую к утрате осознания собственного тела. Разумеется, она также является основой познания для всех форм опирающейся на внушение магии, которая входит в состав некоторых йогических систем, особенно тех школ тантризма, что делают упор на культивировании сверхъестественных способностей, иначе *сиддхи*.

3. *Мифическое сознание*: оно представляет более выраженную степень самосознания, соответствующую, пусть и не тождественную, сознанию ребенка. Мышление действует более на основе противопоставления, нежели магического отождествления или мысленной раздвоенности. Оно разворачивается скорее посредством символа, нежели расчета, мифа, нежели гипотезы; чувства или интуиции, нежели абстракции. Неандертальцы и кроманьонцы могли в большой степени обладать мифическим сознанием. Подобно другим структурам сознания, оно остается действенным по сегодняшний день и было главным фактором в создании бесчисленного множества священных традиций, включая йогу. Мы активизируем мифическое сознание всякий раз, когда закрываем глаза и погружаемся в воображение или когда изливаем в поэтических строках свои глубоко пережитые мысли. Мифическая составляющая весьма заметна в большинстве традиционных подходов йоги, и их практически можно объединить

вместе под названием Мифическая йога; в противоположность более интегрированному направлению — Интегральной йоге Шри Ауробиндо. Мифическая йога следует вертикалистскому девизу «внутри, вверх и вовне». Более подробно я изложил все это в книге *Целостность или Преодоление?* [4]

4. *Ментальное сознание*: как говорит само название, эта форма познания является сферой мышления, рационального ума, действующего на основе двойственности («или/или»). Здесь самосознание отчетливо, и мир переживается разделенным на субъект и объект. Со времени европейского Возрождения эта форма познания преобладает в нашей жизни и фактически превратилась в разрушительную силу. Сегодня ментальное сознание, которое по природе сбалансировано, выродилось в то, что Жебсер именует рассудочностью.

Ментальное сознание было еще на присущей ему высоте в то время, когда Патанджали писал свою *Йога-сутру* или когда Вьяса составлял на нее свой комментарий. Поэтому йога вовсе не исключает эту частную форму познания, но все традиционные школы йоги выступают за преодоление ума — как в его низшем проявлении в виде *манаса*, так и в высшем в виде *буддхи*. Истина всегда полагалась лежащей по ту сторону ума и чувств. Там, что я окрестил мифической йогой, ум представляется заклятым врагом духовной практики. Это представление, однако, отсутствует

в более объединяющих системах йоги. Умственная работа не обязательно является разрушительной для духовного роста, хотя для познания Я необходимо действительно преодолеть умственный аппарат и избавиться от его эго(ис)тичной привязи.

В своем великолепном произведении *Вездесущие истоки* (*The Ever-Present Origin*) и некоторых других своих книгах Жебсер доказывает, что сегодня мы оказываемся свидетелями появления пятой структуры сознания, которую он назвал интегральным сознанием. Здесь не место давать подробное описание этой возникающей модальности человеческого разума, поэтому я лишь замечу, что по мнению Жебсера, это новое сознание является антиподом однобокости чрезмерно выпяченного рационального ума, в который выродилось ментальное сознание. Рациональное сознание в жебсеровском понимании оказывается исключительно эго(ис)тичным и не согласуется с духовной Реальностью. Интегральное сознание, напротив, по своей сути является трансцендирующим эго и открыто тому, что Жебсер назвал «Источком», то есть Основой Сущего. Здесь явно прослеживается параллель с философией Шри Ауробиндо, и Жебсер признает, что находится в поле духовного притяжения этого великого мудреца.

Стоящая перед нами — отдельно и сообща — задача заключается в том, чтобы помочь этому появляющемуся интегральному сознанию воздействовать на нас и нашу человеческую цивилизацию в целом. Только таким образом мы можем

надеяться восстановить равновесие между структурами сознания, позволив каждой самовыражаться в соответствии с присущими ей ценностями. Я убежден, что традиция йоги — как и остальные духовные традиции — содержит многое из того, что при верном употреблении в нашей нынешней ситуации может в огромной степени способствовать этой многообещающей работе по интеграции [сознания].

II. ОТ ШАМАНИЗМА К ЙОГЕ

Культурные герои наподобие Гаутамы Будды или упанишадских мудрецов стояли у истоков ментальной структуры сознания, которую они возвестили миру. Таким образом, психодуховная техника йоги является плодом творчества ранней ментальной структуры сознания. До этого мы находим Протойогу *Вед*, выраженную в сугубо символической форме. Еще раньше у нас была трансовая техника шаманизма, уходящая корнями к каменному веку. Хотя шаманизм датируют примерно 25 000 гг. до н. э., его возраст, вероятно, значительно старше. Как нам известно из других примеров, отсутствие артефактов не обязательно предполагает отсутствие системы верований, с которой их связывают.

Шаманизм — это сакральное искусство изменения сознания человека для путешествия по иным мирам, которые видятся в переживаниях населенными духами. Слово *шаман* сибирского (тунгусского) происхождения и означает опытно-

го путешественника по мирам духов. Шаманы добиваются резкого изменения в своем восприятии — чаще всего, слушая однообразный бой барабана, щелканье палочек или иного ударного инструмента, либо посредством психотропных веществ (наподобие мухомора). Они делают это для того, чтобы связаться с миром духов. Ими руководит не праздное любопытство; напротив, они надеются обрести могущество и сведения, которые являются жизненно важными для психического и физического благополучия их сообщества.

Согласно некоторым знатокам, особенно Мирче Элиаде, шаманизм происходит из Сибири. Другие видят в шаманизме всемирную традицию, которая возникла независимо в различных культурах. Я придерживаюсь первого взгляда, который связывает шаманизм сугубо с культурной средой Сибири и Центральной Азии. В том же ключе можно говорить и о йоге, которая является по сути индийским явлением, а духовным традициям других культур следовало бы дать иное название. Поэтому, строго го-

Шаманы обычно бодрствовали во время своего путешествия и могли танцевать или становились очень возбужденными... В йогическом самадхи умиротворение могло быть столь глубоким, что многие умственные процессы временно прекращались.

Роджер Уолш,
Дух шаманства, с. 229

воря, мы не должны говорить об африканском шаманизме, пока не будет доказано, что он является потомком сибирского шаманизма, что верно в отношении шаманских традиций эскимосов и индейцев гопа. Равным образом, нам не следует говорить о христианской йоге, разве только она действительно является гибридом христианства и индуизма. Термины наподобие «колдовства», «чародейства» или «магии» могут быть приложены в случаях, отличных от сибирской или идущей оттуда духовности, а «мистицизм» или «духовный эзотеризм» можно употреблять в связи со схожими с йогой традициями, но отличными от тех, что относятся к Индии.

Некоторые ученые утверждают, что йога выросла непосредственно из шаманизма, но это трудно доказать. Хотя йога и содержит элементы шаманизма, она вобрала в себя также и другие учения. Согласно Майклу Харнеру (Harner), переход от шаманизма к йоге совершился во времена ранних городов-государств на Востоке, когда шаманов теснили представители официальной религии [5]. Чтобы не выдать себя, тем пришлось прекратить громко стучать в барабан и вместо этого разработать тихие способы изменения сознания. Отсюда, согласно реконструкции древней истории Харнера, и развилась традиция йоги.

Хоть гипотеза Харнера и любопытна, отмирание шаманской традиции, пожалуй, больше было связано с тем обстоятельством, что подъем городов-государств совпал с упадком родовых обществ, кото-

рым шаманы служили. Этот упадок, в свою очередь, лучше всего объясняется сдвигом в сознании в сторону более индивидуализированного самосознания, связанного с появлением ментальной структуры сознания [6].

Шаман представляет собой привилегированного знатока сакрального, который действует на благо своего сообщества. Данное свойство отличает и брахмана (*брахмана*), который осуществляет свои жертвоприношения и другие ритуалы ради других, будь то духи предков, его собственная семья или все сообщество в целом. Однако *йогин* предстает знатоком сакрального, который в первую голову занят поисками своего собственного спасения. Он, как правило, не стремится хоть как-то непосредственно содействовать обществу. Как бы то ни было, он вышел из общественной жизни. Однако опосредовано, своим образцовым поведением и благотворным воздействием царящей вокруг них атмосферы, *йогины* Индии существенно повлияли на становление не только окружающего их общества, но и человеческой цивилизации вообще [7]. Даже в карма-йоге идеал помощи миру (*лока-санграха*), как упоминалось раньше, преследуется прежде всего в интересах собственного духовного роста самого *йогины*. Лишь идеал *бодхисаттвы* в буддизме махаяны воплощает стремление улучшить нашу общую человеческую судьбу. Но, в отличие от шамана, *бодхисаттва* главным образом занят *духовным* благосостоянием людей, а не просто их физическим либо эмоциональным здоровьем

или их материальным благополучием. Даже те последователи пути *бодхисаттвы*, что являются целителями, понимают свое знахарское дело как духовное служение. Помогая людям восстановить физическое здоровье или эмоциональное равновесие, эти целители надеются создать им подходящие условия для духовной практики.

Хотя сама гипотеза, выводящая йогу из (официально преследуемого) шаманства, представляется спорной, очевидно, что многие стороны и представления шаманства сохранились в йоге. Элиаде, который первым исследовал и йогу, и шаманство, следующим образом описывает шаманскую традицию:

Среди элементов, из которых шаманизм состоит и которые являются для него характерными, по нашему мнению, важнейшими являются следующие: (1) инициация, включающая символическое расчленение соискателя, его смерть, воскресение и подразумевающая его спуск в ад и восхождение на небеса; (2) способность шамана совершать путешествия в состоянии экстаза в роли целителя и проводника душ (он отправляется на поиски души больного, украденной демонами, отбирает ее у них и возвращает в тело; он спускается за душой больного в ад и т. д.); (3) «владение огнем» (шаман прикасается к раскаленному докрасна железу, ходит по раскаленным углям без вреда для себя); (4) шаман способен принимать облик животных (он летает как птица и т. д.); умеет становиться невидимым [8].

Йога, как мы видели в первой главе, является традицией, требую-

щей посвящения. Вся ее деятельность направляется мыслью о постепенном преодолении («забвении») человеческой эго(ис)тичной личности. Позже мы познакомимся с *Киурика-упанишадой* («Тайное учение секирь»), произведением, истолковывающим йогический метод в понятиях поэтапного удаления обычного сознания. Это соответствует забвению, связанному с шаманским трюком с веревкой, который описывается как массовый гипноз. Здесь шаман с острым клинком в зубах поднимается по вертикально висящему канату, преследуя молодого парня, пока они оба не исчезают из вида. Спустя некоторое время сверху падают отрубленные члены юноши. Представление заканчивается воскрешением парня шаманом. Камеры заснимут лишь шамана, сидящего на земле, одного и, возможно, лукаво усмехающегося.

Экстатическая погруженность *йогина* в себя и его мистическое восхождение сродни шаманскому экстатическому полету, а наставническое предназначение *йогина* соответствует роли шамана как проводника душ. Кроме того, многие шаманские способности также признаются в йоге, где они известны как *сиддхи* («свершения»), включая способность стать невидимым, что шаманы тоже умеют делать. Наконец, шаманское владение огнем — внешним огнем — сродни йогическому владению «внутренним огнем», особенно психофизиологическим теплом, вырабатываемым при подъеме жизненной силы в кундалини-йоге. Это является основной тибетской практикой *тумо*,

которая позволяет последователям данной йогической дисциплины сидеть обнаженными многие часы среди замерзших снегов, что покрывают вершины Гималаев.

Один из наиболее известных приемов йоги — сидение скрестив ноги в одной из многочисленных йогических поз (*асана*) — имеет своего шаманского предшественника. В своей книге *Где духи оседлали ветер* (*Where the Spirits Ride the Wind*) американский антрополог Фелиситас Гудмен (Felicitas Goodman) исследовала ряд шаманских поз, которые использовались для вхождения в состояние транса или переживания состояния выхода из тела [9]. Видимо, каждая поза обладает только ей присущим воздействием на разум, и Гудмен, а также ее ученики, способна входить в различные состояния сознания, прибегая к соответствующим шаманским позам.

В предыдущей главе была представлена традиция аскезы (*тапас*), предшественницы йоги, у которой очень много поразительных сходств с шаманством: где шаманы показывают свое владение огнем, касаясь раскаленных углей, *тапасвинов* отличает умение «самосогреваться» — то есть доведения себя аскезой до такого состояния, что изо всех пор начинает выделяться пот. Одна древняя аскетическая практика (именуемая *панча-агни*, пишется *панчагни*) заключается в сидении между четырех зажженных костров в разгар лета на самом солнцепеке. В последние годы эту старинную технику практиковал в течение длительного времени Свами Сатьянанда Сарасвати из бихарской школы йоги. То ли посредством

длительной задержки дыхания, то ли посредством преобразования полового влечения в жизненную энергию (*оджас*) *йогини* одинаково стремятся подавить естественные склонности тела-ума и тем самым создать внутреннее напряжение, которое переходит в физиологическое тепло. Они чувствуют себя охваченными огнем. Затем, на пике этих переживаний происходит решительный прорыв, когда все их существо наполняется светом. Они обнаруживают, что этот свет не имеет вовсе видимого источника, но суть Источник всего.

Состояние озарения, или просветления, является для *йогина* тем, чем для шамана — волшебное путешествие в иные миры. Оба переживания выражают собой решительный уход от обычной реальности и сознания. Оба обладают глубоко преобразующим воздействием. Однако только *йогину*, который путешествует вовнутрь, открывается конечная тщета всякого путешествия, поскольку он познает, что никогда не путешествует за пределы подлинной Реальности, что является целью его духовной одиссеи.

Среда обитания шамана состоит из тонких миров существования, которыми он жаждет овладеть. «Отличительной чертой шаманского экстаза, — пишет американский психиатр Роджер Уолш (Walsh), — является переживание «полета души», или «путешествия», или «опыта выхода из тела». То есть в своем состоянии транса шаманы испытывают как они сами, или их душа, или дух летят через пространство и переносятся либо в

иные миры, либо в отдаленные уголки этого мира» [10]. Шаманские путешествия осуществляются ради получения знания или могущества, либо для того, чтобы вызвать изменения в материальном мире влиянием на состояние тонких миров. Конечная же цель *йоги* связана с выходом за пределы тонкого бытия, которое разведывает шаман, и постижением трансцендентного Сущего, которое вне измерений и качеств и которое, как известно *йогину*, есть его сокровенная личность. Поэтому, если шаман является целителем или чудотворцем, *йогин*, прежде по большому счету, — преодолеватель всего. Но в своем духовном восхождении к запредельной Реальности *йогин* попутно накапливает огромный багаж знаний о тонких мирах (*сукшма-лока*). Это объясняет, почему многие *йогини* выказывают необычные способности и издавна считаются среди индийцев чудотворцами и магами. С йогической точки зрения, однако, сверхъестественные способности, которыми обладают многие подвижники, несущественны по сравнению с конечным обретением Самопознания, или просветления.

III. ЙОГА И ЗАГАДОЧНАЯ ИНДО-САРАСВАТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Ведийские арии: совершенно новый взгляд

Йога, как нам известно сейчас, является плодом развития несколь-

ких тысячелетий. Ее истоки теряются в глубине древней предистории Индии. Справедливо, что *Бхагавадгита* (4.3), составленная в ее нынешнем виде, возможно, около 500–600 гг. до н. э., называет йогу «древней» (*пуратана*) [11]. Западные ученые обычно недооценивают древность йоги и до недавних пор связывали ее с эзотеризмом *Упанишад*, которые относили к периоду не раньше шестого или седьмого века до н. э., но которые на самом деле значительно старше.

Недавние исследования ясно показали существование йоги как несвязанные воедино представления и практики (которые мы могли бы условно назвать «протойогой») во времена *Ригведы*. Еще важнее, что сам возраст ведийского канона был существенно умален. Большая часть *Ригведы*, наиболее важной части сборника из четырех ведийских сводов гимнов, была составлена задолго до 1900 г. до н. э. Я кратко изложу значимость подобной датировки.

Несколько поколений западных ученых придерживалось так называемой теории арийского вторжения, которая теперь опровергается новыми свидетельствами. Согласно этой устаревшей теории говорящие на санскрите ведийские племена вторглись в Индию между 1500 и 1200 гг. до н. э., неся смерть и разрушения для местного (предположительно дравидийского) населения. Данная гипотеза, особо поддерживаемая влиятельным ученым Максом Мюллером, быстро приобрела статус всеобщей догмы, которая оказалась на редкость живучей даже перед

лицом изобилия противоположных свидетельств.

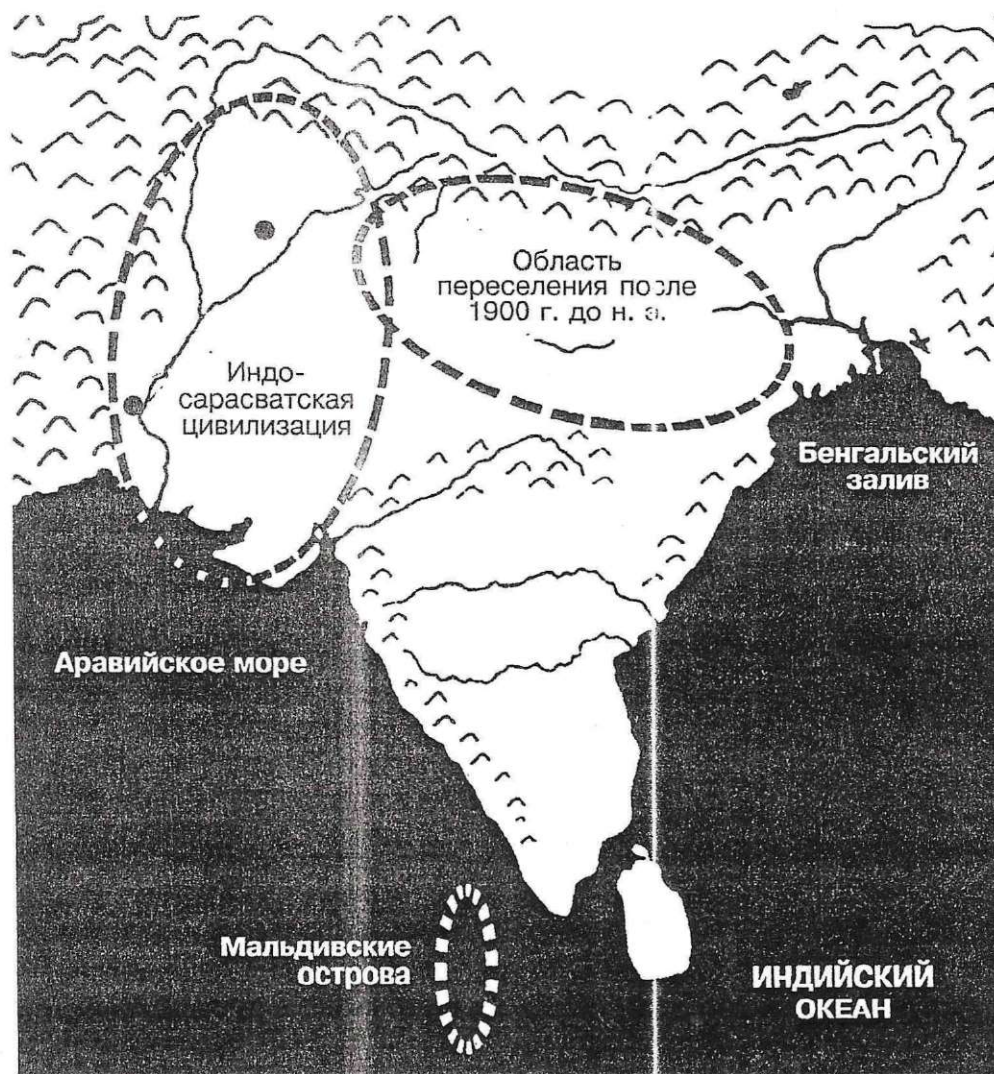
Первый вызов теории арийского вторжения был брошен, когда в 1921 г. археологи обнаружили древние города Хараппа и Мохенджо-Даро на берегах реки Инд в Пакистане. Однако, вместо того, чтобы усомниться в своих предположениях относительно происхождения ведийских ариев, большинство исследователей просто изменили дату сомнительного вторжения на несколько сотен лет, учитывая данные археологических находок. Под влиянием теории вторжения они переиначили данные отдельных археологических свидетельств, особенно видимые признаки насилия в некоторых слоях Мохенджо-Даро. Между тем большинство археологов отбросили это частное объяснение, но многие индологи продолжают опираться на устаревшие трактовки.

Объяснение всему этому состоит в том, что иной подход, который строго опирается на одни только факты, требует полного пересмотра нашего представления о ранней культурной истории Индии: иными словами, никакого вторжения ведийских ариев в Индию никогда не было! Напротив, они населяли Индию издавна. Поразительные свидетельства, опровергающие теорию арийского вторжения, приведены и обсуждены подробно в книге *В поисках колыбели цивилизации* [12]. Поэтому нет необходимости вновь рассматривать все факты, и достаточно будет ограничиться общим обзором.

Ведийские арии принадлежали к индоевропейскому языковому семейству, чьи многочисленные пред-

гавители, несомненно, обладали многими общими этническими чертами. Ведийские арии родственны кельтам, персам, готам и некоторым иным языково-культурным общностям, которые больше не существуют. Они дальние родственники тех из нас, чей родной язык — английский, французский, немецкий, испанский, русский и многие другие языки Евразии.

Все, кто говорит на индоевропейских языках, считаются потомками протоиндоевропейцев, возраст которых датируют теперь не позднее седьмого тысячелетия до н. э. Ученые не пришли к единому мнению относительно их прародины, но обычно ее размещают где-нибудь в Центральной Азии или Восточной Европе. Согласно мнению одного влиятельного лингвиста, Колин

Карта ведической Индии

© AUTHOR

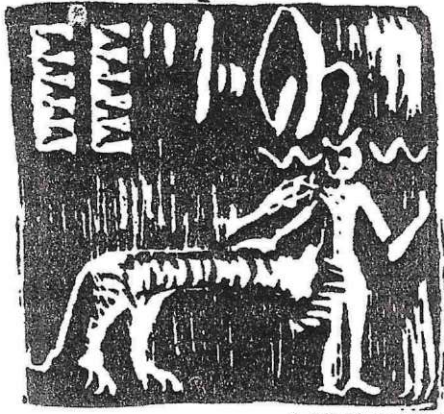
Ренфрю (Renfrew), вначале прародина протоиндоевропейцев находилась в Анатолии (современная Турция) и оттуда они разошлись на север, запад и восток [13]. В любом случае, можно считать теперь, что протоиндоевропейские общности уже достаточно обосновались в Евразии к 4500 г. до н. э. или даже раньше. Затем различные диалекты приняли форму отдельных языков, включая ведийский санскрит. Согласно Ренфрю и другим ученым, приблизительно к 3000 г. до н. э. на индоевропейских языках и их диалектах говорили во всей Европе, и достаточно сильное присутствие индоевропейцев продолжало ощущаться и в Анатолии, как явствует из существования Хеттской державы в 2200 г. до н. э.

В свете этих и других данных мы можем спокойно расстаться с идеей, что ведийские арии прибыли в Индию не ранее 1500 г. до н. э. Они вполне могли присутствовать там на несколько тысячелетий раньше, выделившись из существующей на индийском субконтиненте ветви протоиндоевропейской общности. Именно это и подтверждается археологическими данными, а также внутренними свидетельствами самой *Ригведы*.

Очень важно, как показала аэрофотосъемка, что самая знаменитая река *Ригведы* — Сарасвати, которая располагалась к востоку от реки Инд, — перестала существовать около 1900 г. до н. э. Катастрофическое пересыхание этой могучей реки, которое, возможно, было вызвано большими тектоническими сдвигами, последовавшими за климатическими и природ-

ными изменениями, происходило на протяжении многих столетий. Оно привело к запустению многочисленных городов и селений и перемещению центра ведийской цивилизации к реке Ганг (Ганга). Иными словами, *Ригведа* должна была быть составлена до исчезновения Сарасвати. Действительно, астрономические упоминания в этом древнем своде гимнов указывают на третье, четвертое и даже пятое тысячелетие до н. э., но они обычно игнорируются либо отбрасываются как более поздние вставки. Однако астрономические обратные расчеты весьма затруднительны, и нет оснований клеймить ссылки на солнечные затмения в *Ригведе* и других ранних текстах как последующие вставки, особенно с учетом того, что ученые поражаются высокой степенью точности, с которой ведийские своды гимнов передавались на протяжении тысячелетий.

Другим очень важным открытием является то, что на вавилонскую математику (около 1700 г. до н. э.) глубокое воздействие оказал индийский математический гений. Этот вывод сделал А. Зайденберг (Seidenberg) — историк математики, которого не заподозришь в особых симпатиях к Индии [14]. Индийская математика, похоже, выросла из брахманской обрядовой культуры, особенно, благодаря сооружению сложных жертвенников, которые символически были связаны с устройением космоса. Математические идеи впервые появляются в *Брахманах*, а затем разрабатываются и систематизируются в *Шулба-сутрах* [15]. Первые *Брахманы* нельзя дати-

© JAN FAIRSERVIS

Печать индо-сарасватской
цивилизации

ровать позже 2000 г. до н. э. Некоторые исследователи относят их к 3000 г. до н. э., а *Веды* к 4000—5000 гг. до н. э. и даже раньше. В настоящей книге я остановился на предположительной дате 2500 лет до н. э. для самых ранних *Брахман*.

Данные факты заново ставят важный вопрос о связи говорящих на санскрите арийских племен и так называемой индской цивилизации, расцвет которой пришелся на период примерно 2800—1900 гг. до н. э. Следует также заметить, что дата 2800 г. до н. э. чисто условная, поскольку самые древние слои Мохенджо-Даро еще не вскрыты из-за постоянного подтопления. Основание этого города, скрытое под двадцатью четырьмя футами грязи, может оказаться на много столетий старше. К тому же было раскопано более двух тысяч других поселений вдоль Инда и Сарасвати. Возможно, что некоторые из этих мест, большей частью расположенные по берегам бывшей Сарасвати (а не Инда), окажутся еще старше. Городище Мергарх на крайнем северо-

западе Индии датируется 6500 г. до н. э., тем самым давая нам самую раннюю веку в поразительной преемственности культурного развития.

Все большее число исследователей склоняется к мысли, что великая цивилизация была творением самих ведийских ариев. Действительно, в самих *Ведах* нет ничего, что противоречило бы подобному допущению. Те отрывки, которые предшествующие поколения ученых всегда принимали за доказательство насильственного вторжения в Индию, можно просто и более разумно истолковать иным образом. Битвы, упоминаемые в некоторых гимнах *Ригведы*, являются либо мифологическими, либо, если они исторические, то, очевидно, запечатлели межплеменные распри ариев, а не предполагаемое завоевание местного населения ведийскими ариями как чужеземными захватчиками.

Ученые часто отмечали удивительную преемственность в символике и культурных представлениях

© JAN FAIRSERVIS

Печать индо-сарасватской
цивилизации

© JAN FAIRSER /IS

Печать индо-сарасватской
цивилизации

между индо-сарасватской цивилизацией и позднейшим индуизмом. Когда мы отождествляем ведийских ариев с народом, населявшим города и селения Инда и Сарасвати, такая преемственность становится вполне объяснимой. Стоит освободиться от искажающей сущности дела модели арийского вторжения, мы сразу видим, что ведийская устная/письменная традиция согласуется с археологическими свидетельствами. Больше нам не приходится заниматься тайной огромных городов в отсутствие литературных источников и огромным литературным наследием в отсутствие у него материальной основы. Эти новые открытия также переворачивают наше представление об истории йоги.

Большинство современных ученых согласны с тем, что следы ранней йоги имеются в городах индской цивилизации. Раньше это обстоятельство всегда воспринималось как подтверждение неведийского происхождения традиции

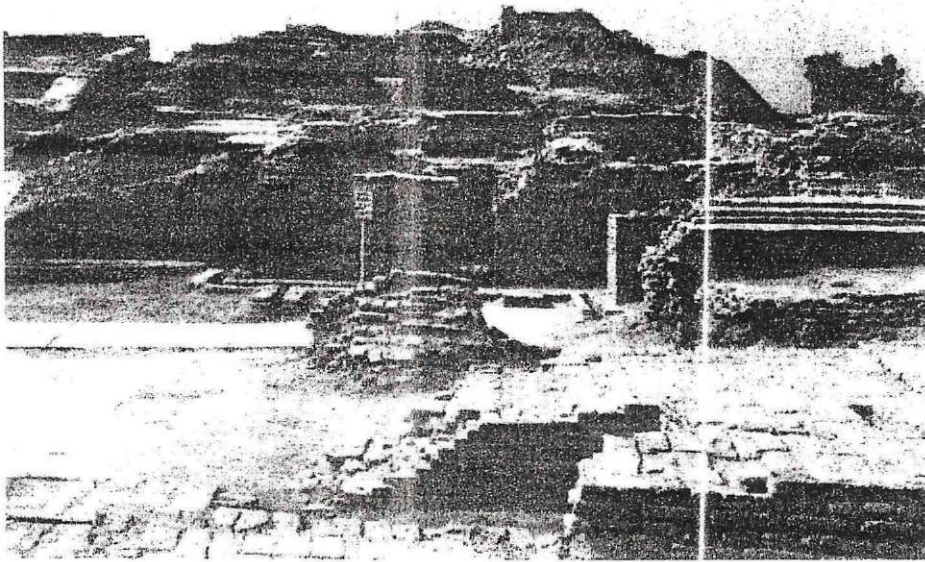
йоги, но подобное предположение было возможно лишь вследствие совершенно неверно понимаемой духовности ведийских ариев. Мы находим в *Ведах* столько же протойогических представлений, сколько и среди артефактов индо-сарасватской цивилизации. Природа этой протойоги будет вскоре рассмотрена.

Археологические находки и письменные свидетельства *Вед*, особенно *Ригведы*, насколько мы можем судить, идеально дополняют друг друга. Вместе они дают нам полную картину того, чем, похоже, была старейшая *непрерывающаяся* цивилизация на Земле — начиная от культуры раннего неолита, представленной городищем Мергарх в седьмом тысячелетии до н. э., и вплоть до современного индуизма.

Но ведийская/индская/сарасватская цивилизация является не только старейшей на Земле — это также самая обширная цивилизация ранней древности, значительно больше Шумера, Ассирии и Египта вместе взятых. Из того, что мы знаем (а археология до сих пор открыла лишь то, что лежит на поверхности), к концу третьего тысячелетия до н. э. эта огромная цивилизация занимала площадь примерно в триста тысяч квадратных миль — область больше Техаса, второго по величине штата в США.

Великолепие индских поселений

Гигантская индо-сарасватская цивилизация (как следовало бы правильно называть индскую ци-

© S. P. GUPTA

Развалины Мохенджо-Даро

визацию) была обнаружена в начале двадцатых годов нынешнего столетия, сразу после того, как ученый мир успокоил себя тем, что с неожиданным открытием хеттской державы они нашли последнюю из великих цивилизаций древнего мира. Индо-сарасватская цивилизация превзошла самые смелые догадки современной науки.

Пока еще раскопано лишь 60 из более чем 2500 известных поселений. Самыми большими поселениями являются Мохенджо-Даро, Хараппа, Ганваривала, Ракхигири, Калибанган, Дхолавира и морской порт Лотхал (расположенный на полуострове Катхиявар вблизи города Ахмадабад в штате Гуджарат). Наиболее впечатляющие города — Мохенджо-Даро на юге и Хараппа в 350 милях дальше на север. Река Инд некогда служила им главным путем сообщения. Мохен-

джо-Даро, крупнейшая из двух метрополий, раскопанных в долине Инда, занимала площадь около одной квадратной мили, которой было достаточно для проживания по меньшей мере 35 000 человек. Оба города отличает тщательная планировка и высокий уровень стандартизации, что говорит о сложном внутреннем общественно-политическом устройстве.

Раскопки выявили продуманную систему канализации, оснащенную отстойниками, что представляется исключительным явлением для доримских времен. Они также открыли множество купален, а это указывает на некий род ритуального омовения, который свойственен современному индуизму. Большинство беззаконных строений, включая трехэтажные дома, было сложено из обожженного кирпича, одного из самых лучших

Индо-сарасватские
знаки

известных нам строительных материалов. В обоих больших городах центр состоит из внушительной цитадели, размером около 400 × 200 ярдов*, возведенной на искусственном возвышении. В случае Мохенджо-Даро она содержит большой бассейн (230 на 78 футс**), залы

* 1 ярд = 0,91 м.
** 1 фут = 0,304 м.

для собраний, некое длинное строение, которое, предположительно, было школой для жрецов, и огромное зернохранилище (запасать зерно было заботой властей). Сама застройка, как и стандартные размеры и вес кирпичей, указывают на централизованное правление, несомненно, жреческой природы.

Хотя никаких храмовых сооружений до сих пор точно выявлено не было, мы должны предположить, что религия играла весьма важную роль в жизни этих древних людей. Такое заключение, главным образом, следует из находок — не в последнюю очередь, из сюжетов на печатях из мыльного камня, — которые имеют заметное сходство с религиозными сюжетами позднейшего индуизма, а также согласуются с ранневедийской символикой. Кроме того, *Веды* не упоминают никаких храмов, так как ведийский народ отправлял свой культ дома и собирался вместе в общественных местах только в случае больших официальных событий, касающихся их племени или рода.

Сдержанность археологов в отнесении некоторых строений к ритуальным трудно понять, учитывая ту главенствующую роль, что отводилась религии в других сопоставимых культурах. Примечательно, что при недавних раскопках в Лотхале и Калибангане обнаружались жертвенники для огня, чье устройство в принципе согласуется с данными, которыми мы располагаем о ведийских алтарях для огня — находка, которую не следует недооценивать.

Не удивительно, что семь великих рек, питающих индо-сарасватскую цивилизацию, подтолкнули развитие не только судостроения, но также и морской торговли со средневосточными державами наподобие Шумера, и, возможно, с более отдаленными странами. Оживленное мореходство, как и следовало того ожидать, нашло свое отражение и в *Ригведе*, которую часто неверно считают творением бесписьменного полукочевого народа, занимавшегося скотоводством и промышленявшего ради наживы постоянными набегами на богатые города бассейна Инда.

Два великих многонациональных образования — Мохенджо-Даро и Хараппа, имеющие, кстати, общий план застройки, процветали примерно восемьсот лет, в течение которых произошло на удивление мало изменений в технической оснащенности, письменном языке и художественном творчестве. Эту черту не преминул отметить британский археолог Стюарт Пигготт:

Как раз бесперебойная работа налаженной машины хараппской цивилизации приводит на ум самые мрачные картины Древнего Рима, и с такой изощренно продуманной системой приходит обособление и застой, чему найдется подтверждение в каждой известной нам цивилизации древнего мира [16].

Но бесперебойность не обязательно признак застоя. Она может указывать на противоположное — признак силы. Возможно, народ индо-сарасватской цивилизации был настолько укоренен в некой

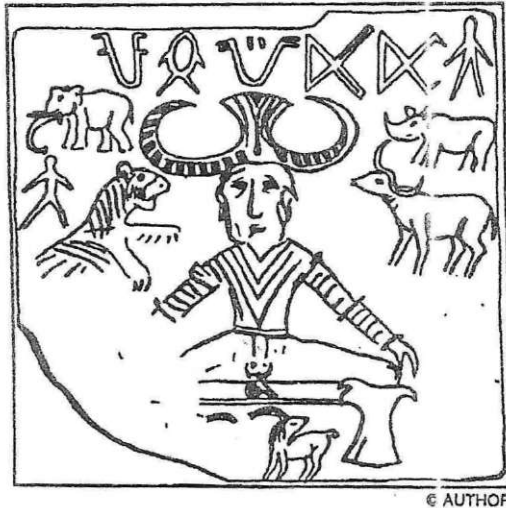

© S. P. GUPTA

Скульптура из мыльного камня верховного жреца или вельможи

духовной традиции, что не требовалось совершения больших перемен, дабы постоянно наполнять смыслом жизнь последующих поколений. Подобная духовная традиция, действительно, присутствует в *Ригведе*, письменном аналоге археологических артефактов, найденных в индо-сарасватских городах. Когда мы объясняем в свете *Вед* культурные артефакты, извлеченные из-под земли археологами, мы в состоянии лучше понять как материальные, так и письменные свидетельства.

Особый интерес представляют многочисленные стеатитовые печати — которыми пользовались торговцы, — на них изображены животные, растения и мифологические персонажи, напоминающие позднейший индуизм. Более двух ты-

Так называемая печать пашупати

сяч терракотовых печатей, что было найдено, изображают рогатых божеств, сидящих так, как делали позже *йогины*. Особенно одна, так называемая печать *пашупати*, привлекла внимание и поразила воображение археологов и ученых. На ней представлено божество, восседающее на низком ложе и окруженное четырьмя животными: слоном, тигром, носорогом и буйволком. Рядом с сидением находится пара похожих на антилоп созданий. Этот персонаж многими отождествляется с богом Шивой, пра-йогиним и повелителем (*пати*) животных (*пашу*). Хотя некоторые из выдвигаемых объяснений при более пристальном рассмотрении оказываются несостоятельными, мало кто сомневается, что персонаж (будь то мужского или женского пола) изображает священное существо в ритуальной позе, которая еще окончательно не установлена, но напоминает *бхадра-* или *кракша-* асану [17].

Есть также достаточно свидетельств существования в то время культа женского божества. Одна печать изображает женщину, из чрева которой вырастает растение, что подтверждает существование связанных с плодородием верований и ритуалов, как и следовало ожидать от раннеземледельческого общества. Другие предметы напоминают мужской детородный символ (*лингам*) и женский детородный символ (*йони*). Печати с изображением смоковницы, которая до сегодняшнего дня считается священной в Индии, и деревьев с человеческой в Индии, и деревьев с человеческой фигурой под их кроной вполне позволяют связать их с гимнами *Вед*. Самое важное то, что все это согласуется с религиозным миром сельской Индии сегодня.